

Шестиосевая модель философии

Она позволяет при поворотах получать любые существующие ракурсы философии как системы. И если удастся обнаружить ее основную тройку, мы получим еще и модель генезиса философии.

Четыре в плоскости и одна ось насквозь. В основе цветовая модель. Здесь важно не ошибиться, что поместить в одну плоскость, оно должно быть однородное, как четыре цвета или четверка “Истина – Польза – Добро – Красота. Инвариант четверки лежит в основании “энергетических типов”.

А пронизывающая центр пара должна быть взаимоисключающей. Кстати, очень важен и сам центр, например, эфир, или благо, он должен снимать, уничтожать в себе качества любых пар. Но здесь следует различать прямое смещение и типы. Если я смешиваю красное и зеленое в красках, получаю серую муть. То же и с желтым-фиолетовым. Отделенные, они в нашем восприятии усиливают друг друга, а смешанные – уничтожаются, становятся серым. Серое же – середина растяжки от черного к белому, тоже смесь, но другой, особой пары. Серое в цветовом поле совпадает с серым в черно-белом градиенте. Это некое двойное качество, скажем так – “никакое”. Эфир – никакое. Нулевой темперамент – тоже никакое (или все вместе). Но вот Благо – в типологическом отношении оно тоже никакое. Абсолютный плюс.

Эфир, по Аристотелю, есть то, в чем все типы растворены, среда, в которой они существуют. Но это можно трактовать и генетически. То есть, и как первоисток (начало), и (или) как конец генезиса.

В этом смысле перпендикулярная пара (например свет и его отсутствие, черное и белое) несет некое генетическое измерение.

Не всегда возможно “смешать” типы как энергии. Например, как смешать энергии контрастных типов – огонь и землю, воду и воздух, как? Впрочем, речь

ведь идет об энергетике, вот что важно. В средневековье алхимики именно это делали – смешивали “пятую часть огня и треть воздуха”. Хотя что мы про это знаем!

Вернемся к философии.

Простейшая и известна из советских времен пара “духовное – практическое”.

Три уровня выстраиваются из нее сразу, стоит обозначить “духовно-практическое” освоение мира.

Соответствует им по аналогии “Гносеология – Аксиология – Праксиология”. В психологии “познание – общение – труд”. В методологии “Мышление – Коммуникация – Деятельность”.

“Общение”, коммуникацию можно раздвоить. Тогда будет по типам кагановская четверка деятельностей. Деятельность познания, ценностно-ориентационная, деятельность общения, деятельность преобразования.

“Аксиологию” в составе философии тоже хочется раздвоить. Зеленов приплюсовывает к этому уровню методологию, видимо исходя из процессуальности (метод есть путь следования). Это вроде бы убедительно, но все равно меня смущает.

Эта четверка лежит в основании “энергетических типов”.

Если оставить тройку, два понятия висят отдельно. Онтология и Методология. Если четверку, то остается только онтология.

Если вспомнить Хайдеггера и Сартра, то это одна линия: Бытие и Ничто. Белое и Черное.

Добавим к этой паре четверку. Вот вся шестерка.

В этой шестерке четыре есть плоскость статики – четыре компонента, спектр состава философии. А сквозь них идет ось бытия – экзистенция. Парная.

Эта ось была главной в XX веке. Бытие и Ничто. Конструкция и деструкция.

И в средневековье – Бог и его отсутствие.

Кажется, я понимаю, о чем речь. Герменевтика бытия противостоит логической развертке (в типах). Иррацио и рацио. Две спирали истории.

* * *

Три уровня. М–К–Д.

Студенты меня спросили, а как же “Мышлю, следовательно существую”. Фиксируется существование, но только такое, которое принадлежит миру мысли, связано с ним. И тогда существование (коммуникация) отождествляется с Мышлением. Только это есть существование, по Декарту.

Но это парадокс. Участие в мышлении, крайне редкое, выдается за признак существования. Остальное время человек что, не существует?

Декарт понимает, что 99 % людей не мыслят и никогда не будут. И для него они не существуют. А так... Интересно, как?

Аполлегетика рационализма. Только когда я мыслю, я и существую, я есть. Остальное есть пустота, небытие. Ничто.

* * *

И еще по поводу ценностей.

Истина есть одна из разновидностей ценностей по отношению к верхнему уровню, например мышлению. Теос и рацио на этом уровне для нас смешиваются. Поэтому если я возьму иррациональное, то получу трансцендентальное, а если рациональное, то Истину (логические ценности, ценности науки).

Здесь в целом происходит удвоение ценностного мира. Додумать.

* * *

Очень важно: русская ветка 19 века заканчивается не литературой (символизм как позднее проявление), а философией. Русский философский ренессанс.

* * *

Про Гегеля

Разумный ход истории (программа) реализуется неразумными людьми в ходе их деятельности не до конца разумной. Реализуется опосредованно. (Но это и означает, что есть программа).

Индивидуальное и конечное подчинено общему. Короткопериодное подчинено среднепериодному.

Как это единичное человеческое может приобщиться к общему? Только пройдя духовный путь человечества. То есть отразь в короткопериодном длиннопериодное.

Это смысл образования, и ядро его – философия. Отсюда длиннопериодные претензии философии, предельность ее категорий.

Про Маркса

Маркс – автор целой совокупности новых понятий, которые существуют только в связке его уникальной теории.

Главное понятие Маркса – деятельность. Понятие это, надо хорошо осознавать, энергетическое (в тройке В–Э–И). Без этого ключа его теорию можно свести до уровня смешной редукции, что чаще всего и происходит в современных интерпретациях, причем, не только культурологических. Между тем именно такая категория как “деятельность” говорит нам, что Маркс – социальный философ. И отсюда вторая его важнейшая понятийная конструкция – “общественные отношения”. В этом понятии есть и политическая воля (классов, групп), но есть и слепой детерминизм исторического закона – отношения таковы, каков наличный способ производства. Совокупность сложившихся общественных отношений управляет деятельностью.

Второе, что важно помнить, Маркс не культуролог, а социально-экономический философ. Его экономизм, столь модный и актуальный в

середине 19 века, неразъемен с его социологией (это доводит до бешенства историков экономики, пытающихся или разъять их, или выкинуть Маркса из экономистов). Правда в поздний период жизни Маркс начинает тщательно штудировать историю культуры и этнографию, но этот процесс остался незавершенным и в контекст его основных классических работ не входит. Есть мнение, что если бы он завершил эту работу со свойственным ему энциклопедизмом, могло бы измениться и само его учение. На самом же деле, если прочесть поздние тексты Маркса, в этом поиске происходило скорее обратное – Маркс искал и находил в истории культуры немало подтверждений своей теории. А он был остроумным и местами афористичным мыслителем.

Обратимся к его теории.

С моей точки зрения выделяемый Марксом “способ производства” вполне может существовать как самостоятельная программа в жизни общества. Подтверждением тому является выделение, например, технологических формаций у Тоффлера, которые могут быть рассмотрены сами по себе. Но у Маркса этого отделения базиса в самую не происходит, по причине наличия центральной категории “деятельности” – не технологии его интересуют, а то, как типологически осуществляется деятельность в истории. Отсюда “способ” производства и стоящая на нем как на базисе общественно-экономическая формация (ОЭФ).

Между генезисом способов производства (базиса) и генезисом общества и культуры (надстройки) прямой связи – связи порождения – вроде бы нет. Но Маркс ее декларирует, поскольку обе эти позиции центрированы у него вокруг деятельности. Если рассмотреть основной конструкт Маркса через тройку ВЭИ, будет примерно следующее: вещественный производственный базис – энергетика деятельности – информационная конструкция общества и его культуры (надстройка). Но никакой “связи порождения” в этой тройке

обнаружить не удастся, хотя марксисты настаивают на этом в трудовой теории происхождения культуры и общества.

(Кстати, она ничего не доказывает. Неандертальцы имели орудия и трудились, но победил хомо сапиенс, у которого возникла речь, коммуникация. Этот самый хомо доказал, что культура не есть только орудия труда, культура есть прежде всего коммуникация. Так, благодаря новым исследованиям, в трудовой теории происхождения нас возникла первая неувязочка. И хотя эти сведения из антропологии нашего времени, важно, что у Маркса и Энгельса есть такая склейка “труд породил речь”, хотя они вправе были рассмотреть и второй вариант ”труд и речь – независимые факторы”. Вариант может быть и таким: эволюция хомо зависит и от труда, и от появления речи, но появление речи вовсе не вытекает из совместного труда. Наличие труда не гарантирует появление речи.

Есть теория, что появление речи приходится на момент глобального потепления, ледник ушел, выживать стало легче. Людей стало плодиться больше и их количество достигло критической массы для появления первой социальной общности – рода. И тогда “включилась” речь.

Вообще все последующие переходы – к цивилизации, к мировым религиям, к индустриальности, к информационному миру – все они могут быть обусловлены количественным накоплением живой массы людей на планете или на территории (например, показатель плотности населения на территории). И тут вполне может существовать простая закономерность.)

Моя интерпретация такова: возникновение социума из биологического множества индивидов есть рождение нового существа – ментального эгрегора (МЭ). Если принять это “невидимое существо” за основу социальности, то все как раз наоборот Марксу. Перед нами разворачивается программа самоосуществления МЭ. Перестать производить (организовываться) так и начать это делать по другому – вовсе не причина, а следствие. Другая картина

мира требует и другого обеспечения социальной организованности. Это – идеальная (точнее ментальная) детерминация истории.

(Мое различие с Субетто: он уверен, что история детерминирована рационально (интеллект), а я считаю, что пока что она детерминирована ментально. Это программа саморазворачивания ментального эгрегора. “Напопление интеллекта”, то ли происходит, то ли нет, – как я могу это определить? Только через науку? Но большая часть истории не имеет отношения к науке. Слияние науки с производством? Это вообще свойственно только XX веку.)

Переход касается только доминирующей цивилизации и не касается иных. Эта выборочность как раз и указывает, что (как и в биоэволюции) происходит подбор материала под что-то в надсистеме. В данном случае – под новое ментальное содержание. Отсюда – масса исторических “дублеров”.

А те, кого это доминирование не коснулось, живут по старинке. Исламский мир остался в средневековье. И здесь начинается история с “модернизациями”. В нее попала и Россия – средневековая монархия с имперскими амбициями.

При принятии ленточной модели независимых переменных возникает множество вариантов связки. Европейский путь вовсе не целостно-неповторимый и обязательный. Могут быть и другие варианты.

(Интересно посмотреть это у Сорокина. Уровни, слои, ленточки. И их взаимодействие.

Вообще это иерархическое – откуда понимание взаимосвязанности, жесткости в связке уровней? Надо понять.)

По Марксу, базис определяет надстройку. Это так же, как предположить, что наше материальное тело определяет жизнь идеального (душу и разум)?

Вообще сама эта простая парность настораживает. Пара имеет всегда очень высокую степень неопределенности.

Базис, по Марксу, суть производство, экономика (и прежде всего форма собственности), а надстройка – суть социум, общество (в т.ч. семья) и культура. Зависимость их от базиса декларируется по такой логике: надстройка сохраняет наличные экономические отношения, пока она находится в руках господствующего в экономике, доминирующего класса – гегемона. И потому надстройка становится идеологизированной, через нее проводится эта социокультурная политика и не допускаются конкуренты. Культура = идеология правящего класса. Культура тождественна идеологии гегемона.

А это уже проектный подход. Речь идет о закреплении привилегий гегемона, властном и политическом доминировании, а инструментом этой политики выступает культура. Акцентируется “идеологическая” функция культуры, ее направленность на закрепление статус кво. Но при этом подходе акцентируется только настоящее, а в культуре есть и прошлое (отмирающее), и будущее (нарождающееся). Маркс циклист, он хорошо чувствует цикл. Он видит в культуре три состояния, а это – фазы культурного цикла. Отсюда плавность и постепенность социокультурной эволюции, о которой он пишет.

Все же Маркс различает движение технологий (обеспечивающих в основном базис) и самодвижение культуры. Относительная независимость культуры – даже в его эпоху – явление малозначительное, поскольку практически вся действующая культура действительно в руках правящей элиты. Это означает, что в паре базис-надстройка обратное влияние культуры на базис еще не актуализировалось. Поэтому Маркс в своей интерпретации был прав – для своего времени и особенно для прошлого, но не для будущего, где все изменилось.

Циклизм Маркса более всего проявился в его теории ОЭФ. Скачкообразная смена способа производства, а отсюда – и всей надстройки,

социума, общества, культуры. Главным индикатором этого цикла у него является пара ПС – ПО. Силы и отношения в производстве.

Что есть эти самые силы? Ресурс деятельности. Люди, орудия производства, технологии и прочее из состава компонентов деятельности.

А производственные отношения есть отношения собственности по поводу этих средств. Кто гегемонит, тот стрижет у прочих “прибавочную стоимость”. Понятно, что устройство общества с этой точки зрения – аппарат удержания масс в повиновении (“лохов в стойле”). А роль культуры – идеологическая машина обработки (оболванивания) масс, работающая в идеологии и под контролем гегемона. И тогда понятно отношение Маркса к религии – в его конкретное время, где попы договорились с купцами.

Сам Маркс понимал, что ни Индия, ни Китай, ни общество на основе идеологии ислама под эти простые европейские абстракции не подходят. Способ воспроизводства общественных отношений всякий раз другой, а способ производства во всех случаях примерно один. И с гегемоном там дело плохо. И с развитием производительных сил тоже, и со сменой способов производства тоже. Он отговорился по типу “Восток – дело тонкое” абстракцией “восточного способа производства”. Но в теории уже тогда возникла вторая неувязочка.

Последующая история только подлила масла в огонь, она пошла отнюдь не по Марксу. Напротив, современные исламские общества, уже насквозь модернизированные, пронизанные евроамериканскими технологиями и укорененными на их территории производствами, ни в какую не желают “прогрессивных” социальных революций и смены способа производства на этой основе. Ни социалистических, ни капиталистических (демократических) революций они не жаждут, им хватает “модернизации”. Эти крайне консервативные сообщества самовосстанавливаются даже после временного захвата их территорий, как в Афганистане и Иране. Такова сила ментального ключа по отношению в прогрессу экономики.

Что характерно, эти модернизированные восточные сообщества породили парадокс контрафактной продукции – сегодня “все сделано на Тайване”. Вместо развития настоящих производительных сил и книжной конкуренции, к которой запад был готов, он с ужасом увидел, что внезапно по уши завален восточными подделками под себя, самого кошмарного качества. Последний пример с китайским текстилем – хорошего качества, но безумно дешевым, поскольку дешева рабочая сила. Этот текстиль моментально разорил бы всю текстильную промышленность Европы – самую современную. Европе пришлось бороться хитрыми санкциями.

Тезис о непрерывном развитии производительных сил теряет свою универсальность и историческую всеобщность. Наблюдается скорее обратное – только проникновение в общество новых ментальных идей меняет его устройство. Достаточно взять историю христианства или ислама в процессах их огосударствления. И тогда можно предположить обратное Марксу: появление и расширение новой ментальной парадигмы в обществе порождает новый способ организованности людей, а в том числе и производства. А иногда и не порождает (как на Востоке), хотя структуру общества этот переход меняет кардинально.

В европейской истории есть только два значимых ментальных перехода: от античности к средневековью и от него – к капитализму. Точнее было бы говорить, что античная цивилизация и средневековый мир находились в территориальном соседстве, настолько на самом деле между ними нет никакой преемственности. Для Египта и ближнего Востока именно Европа была пугающим миром варваров. Про первый переход не просто мало что известно – ничего не известно. А второй запечатлен во всей красе – и Реформация, и Возрождение. По сути он и является единственным реальным пунктом рассуждений и не только у Маркса, а у всего европейского Нового времени.

* * *

Маркс через свою понятийную конструкцию дал превосходную интерпретацию исторического периода общества при его жизни. Тут все узнаваемо: и гегемон, и его идеология в культуре, и пара “произ. силы – ПО”. Но Маркс распространил это на прошлое – на историю, и на будущее (прогноз Маркса). Боюсь, что ни первое, ни второе, в чистом виде не правомерно. В истории культуры при этом подходе получаются сплошные натяжки.

Таким образом, Маркс построил свою теорию настоящего и на ее основе дал интерпретацию истории и прогноз.

* * *

Культурология

Конец 18 века.

Исторически важным для формирования самого понятия “игра” была культурно-философская точка зрения Шиллера. Опираясь на кантовскую антитезу “природа – свобода”, он считает игру основанием свободы. Игра свободна и от общественного принуждения, и от гнета потребностей, от “природы”.

Что интересно, Шиллер одним из первых строит иерархическое и генетическое доказательство своей теории. Ее исходный постулат: и род человеческий, и отдельные люди проходят три ступени. Это физическое, эстетическое и нравственное состояние. Начинается все как подчинение природе – и собственной и внешней, это ступень физическая. Последняя ступень, где господствует нравственный долг, и которая существует только в перспективе – это прорыв от телесных пут к миру идеального, это освобождение от оков времени. Что касается эстетического уровня, то его срединное положение по сути оказывается наиболее полноценным. Хотя поначалу, под влиянием системы Канта, этому уровню он не придавал столь

большого значения, но в своем классическом периоде Шиллер делает эстетическое центральным понятием.

Эстетическое у Шиллера выступает как реальный способ воплощения свободы в действительности жизни. Только красота имеет чувственно ощутимые признаки. Свобода здесь живет в явлении, в свободной форме произведений искусства. Для романтиков это пространство эстетического стало настоящим демиургическим полем, где они могли свободно проявлять и проявляли свою безграничную свободу. Шиллер довел этот тезис до философского уровня: игра у него выступает как свободная незаинтересованная деятельность, как вольная игра душевных сил человека, освобожденных от пут и потребностей “низкой жизни”.

Можно в определенном смысле протянуть ниточку от его теории к самым современным интерпретациям игры. В качестве пары в нашем современном философском обиходе фигурирует “естественное и искусственное”. И игра выступает как человеческое проявление искусственного. Эти ступени и отличия мы рассмотрим по мере их появления, в соответствующем временном диапазоне.

* * *

Свяш все больше убеждает, что получить все сразу и тем решить свои проблемы не получится. Надо постепенно, маленькими шагами.

Хороший афоризм. “Хочется все и сразу, а получаешь ничего и постепенно”.

Это означает определенный тупик иллюзий и вечную скуку маленьких шагов. В конце может и получишь все желаемое, но не тогда, когда тебе это было нужно. Тщетность всего этого так неприятна. А “не-приятие” – именно его и надо снять.

“Узнаю тебя жизнь, принимаю, и приветствую...” Это итог самовоспитания.

Странная картина мира: если чего-то очень хотеть, никогда не получишь. Возникает идеализация этого самого.

Если о чем-то мечтать, тоже никогда не получишь. Идеализация.

Никого не следует слишком любить, или кому-то верить, или кого-то осуждать. Идеализация. То есть, ложная посылка.

Я любил ее чрезмерно и меня жизнь отправила в психушку по этой причине. Да, я идеализировал любовь с детства. А когда она случилась, то поглотила все мои силы. А когда она ударила меня, как ей казалось легонько и без злого умысла, то сбила с ног.

Никакой гордыни. А на чем тогда основано самоуважение? И это тоже идеализация. Я уважаю себя, но не осуждаю никого другого.

Никаких эмоций. Тогда зачем они нам даны? Даны “для полноты жизни”, но не надо их идеализировать.

Нам словно хотят доказать, что от нас в этом мире ровно ничего не зависит. От нас ждут покорности судьбе? Уверенности, что все и так дадут? Веры в это.

Веры, базирующейся на том, что этот мир создан не нами, мы не знаем зачем он создан, и не нам его судить. А как к нему относиться? Принимать во всех проявлениях, никого и ничего не осуждая.

Странное у меня ощущение: с человеком получилось чего-то такое, чего не ожидали его создатели. Он оказался с избыточной сложностью устройства? Он пытается понять замысел своего Творца? А ему именно этого и не следует делать.

Если брать буддизм, он призывает жить, ничего не желая. Нет желаний, нет деяний, нет и страданий. Сиди на скале, медитируй, беседуй с Высшей силой. Горстку риса всегда принесут святому человеку, и хватит.

Если это итог цивилизации, то почему есть и другое? Четыре варианта. И я родился не в Индии.

Все принимай и всему радуйся. Каждая погода – благодать. Надо благодарно принимать – все.

Итак, кто же я в этом случае? Воплощенная душа, проходящая очередную ступень. Что заслужил, то и имею. Претендовать на большее, чем заслужил, не могу. А если буду, все равно ничего не получу – ступенью развития не вышел? Кастовая такая психология должна быть – не моги, и все. Что ни дадут, всему радуйся, иначе носом натычут и сделают так, что все равно порадуешься за это наличное, но уже из глубокой ямы его отсутствия. Урок называется. Будешь упорствовать, попадешь еще хуже или совсем уберут с Земли – недостоин, небо коптишь своими жалобами.

Межу тем все существующее – имеет право быть. Хочешь пить – да пей, только не мучься угрызениями совести. Чего хош, то и делай, главное не переживай по этому поводу. Поскольку реализуешь неведомую тебе волю в любом из этих вариантов.

Радуйся жизни! И все. Весь сказ тебе.

Но грегорья. Нет, я не жалею ни о чем!

* * *

Проскочила мысль, попробую ее выразить.

Все в тонком мире имеет эгрегоры. И только с ними мы и контактируем.

Я своими идеализациями как бы создаю маленький и хилый эгрегор. И он начинает мешать большим, магистральным. Отбирает ту энергию, которая может пойти им. А у них все главные программы этого мира. И ты тут же получаешь по чему попало.

Все, что слишком, куда идет откачка эмоций, энергии желаний, надо отрубить. Энергией длительных переживаний мы и создаем себе все новые неприятности. Вспомни дело и как рос твой страх и как все это не могло кончиться, как шла эскалация, хотя и оснований не было никаких. Это был урок. Это ты питал процесс своей негативной энергией.

Чем меньше женщину мы любим, тем управляемей процесс.

А как же “возлюби всех”? Неужели и это слишком?

Я понял: в своей любви и упоении ею я любил себя и некий идеальный образ, идеализацию, а вовсе не весь мир (хотя и это тоже было в моей любви).